

See discussions, stats, and author profiles for this publication at: <https://www.researchgate.net/publication/349137489>

Legal discourse as a subject of study and teaching in the classroom in a foreign language specialty

Article in *Tambov University Review Series Humanities* · January 2020

DOI: 10.20310/1810-0201-2020-25-189-31-38

CITATION

1

READS

13

3 authors, including:

[Ekaterina Novikova](#)

University of Delaware

12 PUBLICATIONS 6 CITATIONS

SEE PROFILE

DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-189-31-38
УДК 378

Юридический дискурс как предмет изучения и преподавания на занятиях по иностранному языку специальности

Екатерина Романовна НОВИКОВА¹, Олег Геннадиевич ПОЛЯКОВ¹,
Надежда Васильевна ХАУСМАНН-УШКОВА^{1,2}

¹ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5585-9045>, e-mail: evalicci@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2841-6572>, e-mail: olegpo@rambler.ru

²Веймарский университет Баухаус
99423, Федеративная Республика Германии, г. Веймар, Гешвистер-Шоль-Штрассе, 8
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4347-624X>, e-mail: nush2001@mail.ru

Legal discourse as a subject of study and teaching in the classroom in a foreign language specialty

Ekaterina R. NOVIKOVA¹, Oleg G. POLYAKOV¹,
Nadezhda V. HAUSMANN-USHKOVA^{1,2}

¹Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5585-9045>, e-mail: evalicci@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2841-6572>, e-mail: olegpo@rambler.ru

²Bauhaus-Universität Weimar
8 Geschwister-Scholl-Straße, Weimar 99423, Germany
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4347-624X>, e-mail: nush2001@mail.ru

Аннотация. Представлено современное состояние проблемы изучения и преподавания иноязычного юридического дискурса. Проанализированы различные точки зрения на дискурс как междисциплинарный феномен. Юридический дискурс рассмотрен в качестве разновидности институционального дискурса. Коммуникация участников юридического дискурса осуществляется на основе определенного количества правил, которые регламентируют их ролевое и нормативное поведение. В их действиях наличествует координация, свойственная данной форме общения и позволяющая воспринимать участников юридического дискурса как компоненты единого целого – более крупной институциональной системы. Дана краткая характеристика функций юридического дискурса – прескриптивной, информативной, аргументирующей, декларативной, регулятивной, интерпретационной, кумулятивной, презентационной, стратегической и кодовой. Обсуждены такие свойства юридического дискурса, как перформативность и интертекстуальность, а также описаны его составляющие. Показано отличие юридических текстов, в которых реализуется дискурс права, от текстов других специальностей. Они создаются на юридическом языке как разновидности языка для специальных целей и обладают внутри- и внешнетекстовой спецификой. Юридические тексты, несмотря на их жанровое разнообразие, имеют преимущественно стандартный формат. Такие типы юридического текста, как судебные решения и нормативно-правовые акты, доверенности и договоры, завещания и прочее, имеют специфический план построения, определенным образом делятся на части и оформляются графически. В качестве наиболее приемлемого метода изучения и преподавания иностранного языка права рассмотрен дискурсивный анализ.

Ключевые слова: юридический дискурс; английский язык; изучение; преподавание; дискурсивный анализ

Для цитирования: Новикова Е.Р., Поляков О.Г., Хаусманн-Ушкова Н.В. Юридический дискурс как предмет изучения и преподавания на занятиях по иностранному языку специаль-

ности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2020. Т. 25, № 189. С. 31-38. DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-189-31-38

Abstract. The current state of the problem of studying and teaching foreign language legal discourse is presented. Various points of view on discourse as an interdisciplinary phenomenon are analyzed. Legal discourse is considered as a kind of institutional discourse. Communication of participants in legal discourse is carried out on the basis of a certain number of rules that govern their role and normative behavior. In their actions, there is coordination inherent in this form of communication and allowing the participants in legal discourse to be perceived as components of a single whole – a larger institutional system. A brief description of the functions of legal discourse is given – prescriptive, informative, argumental, declarative, regulatory, interpretive, cumulative, presentation, strategic and code. Such properties of legal discourse as performativity and intertextuality are discussed, and its components are described. The difference between legal texts, in which the discourse of law is implemented, from texts of other specialties is shown. They are created in the legal language as a type of language for special purposes and have intra- and external-text specificity. Legal texts, in spite of their genre variety, have a predominantly standard format. Such types of legal text as court decisions and regulations, powers of attorney and contracts, wills, etc., have a specific construction plan, are divided into parts in a certain way and are drawn up graphically. Discursive analysis is considered as the most acceptable method of studying and teaching a foreign language of law.

Keywords: legal discourse; English language; learning; teaching; discourse analysis

For citation: Novikova E.R., Polyakov O.G., Hausmann-Ushkova N.V. Yuridicheskiy diskurs kak predmet izucheniya i prepodavaniya na zanyatiyakh po inostrannomu yazyku spetsial'nosti [Legal discourse as a subject of study and teaching in the classroom in a foreign language specialty]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2020, vol. 25, no. 189, pp. 31-38. DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-189-31-38 (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

Рассматривая дискурс в общем смысле, можно представить его как комплекс, составляющими которого выступают участники коммуникации, текст, а также ситуация общения. Дискурс абстрактно описывает различные структурные и семантические элементы, находящие свое отражение в определенных текстах. Целью коммуниканта является достижение максимально возможного совпадения двух выражений дискурса: отвлеченной системы правил и конкретного применения этих правил в реальной речевой ситуации. Язык в форме дискурса применяется для выражения определенных вариантов ментальности и идеологии, что способствует активации определенных функций языка. Такое применение обеспечивает соблюдение участниками дискурса конкретных грамматических и лексических правил, использования специальных речевых конструкций. По образу организации дискурс и язык различны благодаря тому, что дискурс обладает гораздо большей свободой и обилием вариантов. Не секрет, что языковая система – явление достаточно устойчивое, особенно в плане

морфологии и фонологии. Если говорить о синтаксисе, то в нем допустима большая вариативность, притом что и на данном этапе для коммуниканта границы в речевой свободе установлены заданным конечным набором структур синтаксиса.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: СУЩНОСТЬ, СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ

Юридический дискурс выступает в качестве одного из наиболее актуальных и востребованных дискурсов современности, поскольку он представляет собой комплекс взаимоотношений между человеком и обществом. Этапы исследования юридического дискурса включают в себя анализ формы, задач и содержания дискурса, применяющегося в конкретной совокупности ситуаций. Разные ученые-лингвисты предлагают собственные определения для юридического дискурса. Так, по мнению И.В. Палашевской, сущность юридического дискурса заключается во взаимодействии его участников в соответствии с установленными нормами поведения и предписаниями, характерными для их ролей в обществе в определенных ситуа-

циях, обусловленных правовым контекстом [1, с. 535]. Иное определение предлагает О.В. Косоногова, отмечая, что юридический дискурс содержит набор коммуникативных ситуаций, где участники используют конкретный набор языковых единиц, выбранных из составляющих языка права [2, с. 66].

Реализация любого вида дискурса происходит в ситуациях определенной деятельности. Если говорить о юридическом дискурсе, то он реализуется в коммуникативных общностях институционального типа, а именно: суда, полиции, прокуратуры и т. д. Чтобы адекватно понять суть юридического дискурса, коммуниканту требуется наличие определенных фоновых знаний, знаний о конкретных ожиданиях говорящего и аудитории, предположительных мотивах, которые могут быть скрыты, а также сюжетных схем и вероятных логических переходов [3].

Будучи разновидностью институционального дискурса, юридический дискурс определяется статусно-ролевыми характеристиками участников общения, намерениями, а также местом, где происходит процесс коммуникации (зал судебных заседаний, тюрьма и др.).

В состав юридического дискурса входят законы, правовые действия и документы, составляющие основную совокупность предметной области права, являющиеся по своей природе текстуальными или дискурсивными [4, р. 3]. При этом, если коммуникант выходит за границы конкретного институционального дискурса, он нарушает нормы его существования.

Выделяют следующие функции, характерные для юридического дискурса:

- прескриптивную (значительное количество юридических фраз является либо прямыми, либо косвенными предписаниями по совершению определенных действий или по отказу от их совершения. Подобные высказывания можно найти в таких юридических документах, как судебные решения, постановления, законы и пр.);
- информативную (тексты по юриспруденции сообщают о принятии конкретного правового решения либо о свершившемся факте);
- аргументирующую (обоснование определенной правовой позиции; присуще различным исковым заявлениям, жалобам, судебным решениям);

- декларативную (устанавливаются определенные социальные и правовые ценности, а также идеи);

- регулятивную (задаются правила относительно интерактивности субъектов и контроля отношений в социуме);

- интерпретационную (объясняется смысл определенных высказываний);

- кумулятивную (происходит накопление опыта и его применение в сфере права в единицах языка);

- презентационную (формируется образ института и его должностных лиц, а также роль права);

- стратегическую (осуществляется подбор определенных тактик и выбор моделей поведения для взаимодействия с индивидами в контексте права);

- кодовую («шифрование» языка права делает его понимание доступным лишь для определенного числа людей) [1].

ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Юридический дискурс институционален, поскольку он подчиняется существующим в дискурсивном сообществе нормам, определяющим содержание сообщения, базу оценки и когнитивизма, различные формы коммуникации [5]. О.Ф. и В.М. Русаковы отмечают, что характерной особенностью институциональной коммуникации является фиксированная категория статусно-ролевых отношений, сформировавшаяся в сфере коммуникации определенного социального института. Здесь реализуются функции своего рода принуждения, проявляющиеся в виде нормативных предписаний и конкретных способов восприятия мира, моделей поведения индивидов [6, с. 263]. Общение участников юридического дискурса базируется на определенном количестве правил, регламентирующих ролевое и нормативное поведение коммуникантов. В действиях участников дискурса отмечается координация, которая свойственна такой форме общения и позволяет воспринимать участников данного вида дискурса как компоненты единого целого – более крупной институциональной системы.

Особенностью юридической коммуникации является перформативность. Данное понятие обозначает процесс изменения ре-

альности с помощью осуществления определенных действий. Ее ключевым условием является предположительная способность речевых единиц реализовывать намерения участника коммуникации и делать их понятными для реципиента, то есть свойство высказывания или дискурса производить действие. По мнению Х. Маттилы, право является феноменом мировосприятия, и лишь языковые средства служат рычагом воздействия на человеческие правоотношения. Язык права таким образом осуществляет перформативную функцию, управляя речевыми актами [7, р. 31]. В качестве иллюстрации приведем следующий фрагмент из Конституции США: *We the People of the United States <...> do ordain and establish this Constitution for the United States of America*¹. Здесь вспомогательный глагол *do* подчеркивает последующие перформативные глаголы *ordain* и *establish*, что в правовом дискурсе означает выполнение определенного действия.

Для правового дискурса также свойственна значительная интертекстуальность. Она выступает в качестве возможности в одном тексте приводить ссылки на другой текст, производя заимствования элементов текста, обладающих определенным содержанием и формальностью. А.В. Богатырев отмечает важную роль интертекстуальности для дискурса права, считая, что в юридическом дискурсе она обладает конкретным текстовым воплощением [8, с. 57]. Называя данные источники «текстами-донорами», он включает в данную группу нормативно-правовые акты и материалы определенного судебного разбирательства. Далее отмечается, что интертекстуальность в юридическом дискурсе может проявляться в двух видах – риторическом и спонтанном. Основываясь на собственных исследованиях, он приводит следующие формы интертекстуальности, свойственные для дискурса права: цитату, аллюзию, аппликацию, парафраз и интертекст-пересказ. Межтекстовые связи среди внутренних элементов правового дискурса являются катализатором преемственности в сфере права. Кроме того, в судебных решениях могут приводиться цитирования решений иных судов [8, с. 57].

Таким образом, можно заключить, что юридический дискурс являет собой совокупность высказываний в области правовых отношений, в качестве ключевых функций которых выступают убеждающая, предписывающая, провозглашающая и информативная. Такой вид коммуникации обладает институциональной природой, носит перформативный и интертекстуальный характер.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКА ПРАВА И СОСТАВЛЯЮЩИХ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

П. Тирсма определяет междисциплинарную сущность языка права как развивающуюся область, утверждая, что между языком и правом всегда существовала тесная связь, даже если она не всегда официально признавалась [9, р. 9]. Исследователь считает, что язык и закон взаимодействуют несколькими способами, но наиболее очевидным является то, что законы выражаются в языке [9, р. 9]. Юристы часто обращаются к языку, чтобы растолковать конкретные законы. В таком относительно искусственном контексте слова подбираются и интерпретируются с необычайной тщательностью. Дж. Гиббонс лишь подкрепляет вышеизложенный взгляд о связи закона и языка, утверждая, что закон есть язык [10, р. 156], тогда как Э. Мерц указывает, что исследователи социальной природы конституционного права все чаще приходят к пониманию важности языка в юридических процессах [11, р. 415]. Связь между правом и лингвистикой демонстрируется и в утверждении П. Гудрича, что теоретики права по традиции достаточно часто прибегали к философии языка, при этом методология языкознания – не менее ценный инструмент эвристики для прояснения общих вопросов, которые касаются институциональной природы права и смысла основных юридических терминов. Именно лингвистическая методология может помочь на содержательном уровне преодолеть на практике сложности толкования и применения права [12, р. 525].

Юридический дискурс является сложным понятием, включающим в себя множество составляющих. В.И. Карасик выделяет такие компоненты дискурса права, как уча-

¹ The Constitution of the United States. Bill of Rights and All Amendments. URL: <https://constitutionus.com> (accessed: 10.08.2020).

стники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, тематика, разновидности и жанры, прецедентные (культурогенные) тексты, дискурсивные формулы [13, с. 11].

Участниками юридического дискурса являются представители государства (определенные уполномоченные органы и отдельные должностные лица) и граждане. В случае законодательного дискурса таковыми будут законодатель, ученый-юрист (правовед), граждане-адресаты и юрист, а в качестве участников судебного дискурса могут выступать судья, граждане, являющиеся участниками процесса, и отстаивающие их интересы адвокаты.

Хронотоп юридического дискурса – это окружение, в котором ведется правовой диалог, то есть место осуществления коммуникации. Это может быть ведомство, Государственная Дума, парламент, Конгресс, сенат, тюрьма, кабинет юриста, зал судебных заседаний.

В качестве цели юридического дискурса выступает контроль правоотношений через применение правовых норм.

Ценностями правового дискурса выступают право и закон, однако среди лингвистов существуют и иные мнения на этот счет. Л.Е. Попова также относит к числу ценностей правового дискурса «истину, доказательство, достоинство истца, вину, клевету, нарушение, правосудие, репутацию, свидетеля, мораль, суд, честь, приговор» [14, с. 9].

Цель детерминирует стратегии юридического дискурса. Они представляют собой установление правовой нормы, применение ее на практике и истолкование. Вопрос толкования правовых норм весьма актуален в юридическом дискурсе. В Великобритании и США, государствах с прецедентной системой права, разработаны руководства и существуют принципы толкования закрепленных в статутах норм.

Тематика юридического дискурса охватывает множество проблем, находящихся в сфере взаимодействия участников правовой коммуникации. Их количество значительно, поскольку право делится на отрасли.

Для юридического дискурса прецедентными являются тексты конституции, кодексы, международные декларации и конвенции. Ю.Н. Караулов выделяет такие характеристики прецедентного текста, как эмоциональная и познавательная ценность, хрестоматий-

ность и общеизвестность, реинтерпретируемость [15, с. 124]. Для британского юридического дискурса прецедентными текстами являются, например, *Magna Carta* (Великая хартия вольностей) и *Habeas Corpus Act* (Хабеас корпус акт), тогда как для американского – *Constitution of the United States* (Конституция США), *Bill of Rights* (Билль о правах), *Declaration of Independence* (Декларация независимости). К прецедентным текстам относят и международные документы, такие как *Universal Declaration of Human Rights* (Всеобщая декларация прав человека), *Charter of the United Nations* (Устав ООН) и др.

Дискурсивные формулы – это своеобразные речевые обороты, характерные для коммуникации в соответствующем социальном институте. При этом у каждого жанра есть свой набор таких формул. В устном судебном дискурсе, например, к их числу относятся такие фразы: *All rise. The Court of <...> is now in session; the Honorable Judge <...> presiding*. В письменном судебном дискурсе можно выделить такие обороты, как *To those who may concern ...: delivered at a public hearing on <...>* и т. п. В законодательных текстах можно встретить *for the purposes of this Act; The Secretary of State may by regulations <...>* и др. Клише содержатся и в договорах, также составляющих жанр юридического дискурса, например: *expressly agreed in writing by duly authorized representatives; hereinafter referred to* и пр. Сюда можно также отнести особые слова языка права: *in witness whereof; subject to; hereby certify* и т. д., которые приносят формальность общения и являются отличительной особенностью говорящих вследствие их принадлежности к определенному социальному институту [16, с. 42].

ЮРИДИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ И ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ В ИЗУЧЕНИИ И ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА ПРАВА

Всякий юридический текст можно рассматривать как текст специальный, относящийся к дискурсу права. Юридические тексты отличаются от текстов других специальностей своей внутри- и внешнетекстовой спецификой, то есть своими функциональными, структурными и языковыми особенностями. Такие тексты составляются на юриди-

ческом языке, который определяется как разновидность языка для специальных целей (language for specific purposes). Дж. Лербергером установлено шесть основных признаков, по которым можно было бы охарактеризовать язык права: во-первых, ограниченный предмет, а именно, закон; во-вторых, ограничения лексического, семантического и синтаксического характера (например, использование терминов); в-третьих, отклоняющиеся от нормы правила грамматики; в-четвертых, высокая частотность определенных конструкций (например, формализованных шаблонов предложений в уставных текстах); в-пятых, текстовая структура (например, договор или закон); в-шестых, задействование специальных символов [17, p. 22].

Таким образом, юридические тексты продуцируются на особом языке, который подчиняется определенным семантическим, синтаксическим и прагматическим правилам. Иными словами, юридический язык охватывает все высказывания в правовом контексте [18].

Для большинства типов юридических текстов (или жанров) – нормативных правовых актов, судебных решений, договоров, доверенностей, завещаний – характерен стандартный формат. Он включает в себя план организации текста и деление на части, а также расположение на странице, включая интервалы, абзацные отступы, пунктуацию и даже типографические характеристики, такие как использование прописных букв, курсива, полужирного шрифта, подчеркивания и пр. Так, судебные решения обычно начинаются с введения, в котором выявляются стороны и проблема, а также определяются правовые отношения между сторонами, затем излагаются факты, описываются доводы сторон, а также излагается суть дела, краткое изложение представленных состязательных бумаг и, наконец, выводы суда и вынесенное окончательное решение.

Язык вообще и юридический английский, в частности, не может быть изучен или преподан изолированно. Эффективное изучение и преподавание языка права требует, чтобы студенты были вовлечены в реальный социальный контекст и применяли свои знания и навыки для достижения успешной коммуникации. Коммуникативный подход и акцент на практическое использование язы-

ка, то есть на речевую деятельность, в процессе иноязычной подготовки будущих юристов требует применения анализа как письменного, так и устного дискурса. Это обусловлено тем, что дискурсивный анализ позволяет увидеть уникальную взаимосвязь между языком и контекстом, в котором он используется, между языковой формой и ее функциями, особенно принимая во внимание, что устный и письменный дискурсы имеют свою специфику употребления и, как следствие, выполняют различные коммуникативные функции [19]. Хотя дискурсивный анализ не предоставляет исчерпывающей базы для понимания коммуникативного процесса, он позволяет студентам, как коммуникантам, понимать и интерпретировать различные мотивы, стоящие за письменным или устным дискурсом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение дискурса как целенаправленного использования языка для выражения особой ментальности и идеологии позволяет уяснить структурно-семантические особенности, реализующиеся в определенных текстах. Дискурс права представляется как взаимодействие его участников с учетом их ролей и предписанных социумом статусов и в соответствии с принятыми для определенных ситуаций правового общения нормами поведения. Для юридического дискурса характерна перформативность, интертекстуальность и наличие таких составляющих, как участники (представители государства и граждане), хронотоп (обстановка, свойственная правовому диалогу), цель (урегулирование правоотношений с помощью применения правовых норм), ценности (право и закон), стратегии (установление правовой нормы, ее применение на практике и истолкование), определяемая конкретной отраслью права тематика, прецедентные тексты (конституция, кодексы, международные декларации и конвенции), а также дискурсивные формулы, характерные для коммуникации в соответствующем социальном институте. При этом наиболее адекватным методом изучения и преподавания языка права представляется дискурсивный анализ.

Список литературы

1. Палашевская И.В. Функции юридического дискурса и действия его участников // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 5 (2) С. 535-540.
2. Косоногова О.В. Характеристики юридического дискурса: границы, содержание, параметры // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. № 7 (1). С. 61-68.
3. Федулова М.Н. Прагма-семантические аспекты концептуализации лексических единиц в юридическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 21 с.
4. Van Dijk T.A. Introduction: Discourse analysis as a new cross-discipline // Handbook of Discourse Analysis. Vol. 1. Disciplines of Discourse. N. Y.: Academic Press, 1985. P. 1-10.
5. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. С. Митина и Д. Стасова; под общ. ред. Б. Левченко. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
6. Русякова О.Ф., Русяков В.М. PR-дискурс: теоретико-методологический анализ. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2011. 333 с.
7. Mattila H.E.S. Comparative Legal Linguistics. Aldershot: Ashgate, 2006. 347 p.
8. Богатырев А.В. Функционирование фигур интертекста в современном юридическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2016. 168 с.
9. Tiersma P.M. What is language and law? And does anyone care? // Law and Language: Theory and Society / ed. by F. Olsen, A. Lorz, D. Stein. Düsseldorf: Düsseldorf University Press, 2008. P. 9-38.
10. Gibbons J. Language and the law // Annual Review of Applied Linguistics. 1999. Vol. 19. P. 156-173.
11. Mertz E. Language, law and social meanings: linguistic-anthropological contributions to the study of law // Law and Society Review. 1992. Vol. 26 (2). P. 413-445.
12. Goodrich P. The role of linguistics in legal analysis // The Modern Law Review. 1984. Vol. 47. P. 523-534.
13. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5-20.
14. Попова Л.Е. Юридический дискурс как объект интерпретаций: семантический и прагматический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005. 167 с.
15. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
16. Бейлинсон Л.С. Дискурсивные формулы профессиональной речи // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. № 5. С. 42-46.
17. Lehrberger J. Sublanguage analysis // Analyzing Language in Restricted Domains: Sublanguage Description and Processing / ed. by R. Grishman and R. Kittredge. Hillsdale, New Jersey: L. Erlbaum, 1986. P. 19-38.
18. Cao D. Translating Law. Clevedon: Multilingual Matters, 2007. 208 p.
19. Tabrizi A.R.N., Gupta D., Saxena M. Discourse analysis in the ESL classroom // Beyond Words. 2014. Vol. 2 (1). P. 73-89.

References

1. Palashevskaya I.V. Funktsii yuridicheskogo diskursa i deystviya ego uchastnikov [Functions of legal discourse and actions of its participants]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2010, vol. 12, no. 5 (2), pp. 535-540. (In Russian).
2. Kosonogova O.V. Kharakteristiki yuridicheskogo diskursa: granitsy, soderzhaniye, parametry [Characteristics of legal discourse: boundaries, content, parameters]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and Social and Educational Thought], 2015, no. 7 (1), pp. 61-68. (In Russian).
3. Fedulova M.N. *Pragma-semanticheskiye aspekty kontseptualizatsii leksicheskikh edinit v yuridicheskom diskurse: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Pragma-Semantic Aspects of Conceptualizing Lexical Units in Legal Discourse. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2010, 21 p. (In Russian).
4. Van Dijk T.A. Introduction: Discourse analysis as a new cross-discipline. *Handbook of Discourse Analysis. Vol. 1. Disciplines of Discourse*. New York, Academic Press, 1985, pp. 1-10.
5. Fuko M. *Arkheologiya znaniya* [Archeology of Knowledge]. Kiev, Nika-Tsentr Publ., 1996, 208 p. (In Russian).
6. Rusakova O.F., Rusakov V.M. *PR-diskurs: teoretiko-metodologicheskii analiz* [PR Discourse: Theoretical and Methodological Analysis]. Yekaterinburg, Diskurs-Pi Publ., 2011, 333 p. (In Russian).
7. Mattila H.E.S. *Comparative Legal Linguistics*. Aldershot, Ashgate, 2006, 347 p.
8. Bogatyrev A.V. *Funktsionirovaniye figur interteksta v sovremennom yuridicheskom diskurse: dis. ... kand. filol. nauk* [The Functioning of Intertext Figures in Contemporary Legal Discourse. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Volgograd, 2016, 168 p. (In Russian).

9. Tiersma P.M. What is language and law? And does anyone care? In: Olsen F., Lorz A., Stein D. (eds.). *Law and Language: Theory and Society*. Düsseldorf, Düsseldorf University Press, 2008, pp. 9-38.
10. Gibbons J. Language and the law. *Annual Review of Applied Linguistics*, 1999, vol. 19, pp. 156-173.
11. Mertz E. Language, law and social meanings: linguistic-anthropological contributions to the study of law. *Law and Society Review*, 1992, vol. 26 (2), pp. 413-445.
12. Goodrich P. The role of linguistics in legal analysis. *The Modern Law Review*, 1984, vol. 47, pp. 523-534.
13. Karasik V.I. O tipakh diskursa [On the types of discourse]. *Yazykovaya lichnost': institutsional'nyy i personal'nyy diskurs* [Language Personality: Institutional and Personal Discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2000, pp. 5-20. (In Russian).
14. Popova L.E. *Yuridicheskiy diskurs kak ob"yekt interpretatsiy: semanticheskiy i pragmaticheskiy aspekt: dis... kand. filol. nauk* [Legal Discourse as an Object of Interpretations: Semantic and Pragmatic Aspects. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Krasnodar, 2005, 167 p. (In Russian).
15. Karaulov Y.N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow, Nauka Publ., 1987, 264 p. (In Russian).
16. Beylinson L.S. Diskursivnyye formuly professional'noy rechi [Discursive formulas of professional speech]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2008, no. 5, pp. 42-46. (In Russian).
17. Lehrberger J. Sublanguage analysis. In: Grishman R. Kittredge R. (eds.). *Analyzing Language in Restricted Domains: Sublanguage Description and Processing*, Hillsdale, New Jersey, L. Erlbaum Publ., 1986, pp. 19-38.
18. Cao D. *Translating Law*. Clevedon, Multilingual Matters Publ., 2007, 208 p.
19. Tabrizi A.R.N., Gupta D., Saxena M. Discourse analysis in the ESL classroom. *Beyond Words*, 2014, vol. 2 (1), pp. 73-89.

Информация об авторах

Новикова Екатерина Романовна, научный сотрудник лаборатории лингвистики и межкультурной коммуникации. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: evalicci@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5585-9045>

Поляков Олег Геннадиевич, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой лингвистики и гуманитарно-педагогического образования. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: olegpo@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2841-6572>

Хаусманн-Ушкова Надежда Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и гуманитарно-педагогического образования. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация; преподаватель немецкого языка как иностранного. Веймарский университет Баухаус, г. Веймар, Федеративная Республика Германии. E-mail: nush2001@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3345-7782>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Поляков Олег Геннадиевич
E-mail: olegpo@rambler.ru

Поступила в редакцию 22.09.2020 г.
Поступила после рецензирования 20.10.2020 г.
Принята к публикации 27.11.2020 г.

Information about the authors

Ekaterina R. Novikova, Research Worker of Linguistics and Intercultural Communication Laboratory. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: evalicci@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5585-9045>

Oleg G. Polyakov, Doctor of Pedagogy, Professor, Head of Linguistics and Humanitarian Pedagogic Education Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: olegpo@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2841-6572>

Nadezhda V. Hausmann-Ushkova, Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of Linguistics and Humanitarian Pedagogic Education Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation; Lecturer of German as a Foreign Language. Bauhaus-Universität Weimar, Weimar, Germany. E-mail: nush2001@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3345-7782>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Oleg G. Polyakov
E-mail: olegpo@rambler.ru

Received 22 September 2020
Reviewed 20 October 2020
Accepted for press 27 November